

Посвящается Изобель Армстронг

Когда писатель называет своё произведение «романтическим романом», стоит ли пояснять, что тем самым он притязает на некоторую вольность в рассуждении манеры и материала, на какую не смел бы посягать, если бы объявил, что пишет роман реалистический. Сей последний род сочинений, как принято считать, стремится к обстоятельнейшей достоверности в изображении не только что возможных, но и правдоподобных, обыденных событий человеческой жизни. Первый же род, хотя и обязан он, будучи произведением искусства, неукоснительно подчиняться правилам и хотя всякое уклонение от истины в изображении душевного мира для него есть грех непростительный, всё же он в известной степени позволяет представить такую истину в обстоятельствах большей частью вымышленных или придуманных сочинителем... Этот роман следует отнести к романтическим на том основании, что здесь делается попытка связать прошедшее с ускользающим от нас настоящим.

*Н. Готорн,
из предисловия к роману «Дом о семи фронтонах»*

Но если, истончившись, оболочка
Раздувшегося вымысла нам явит
Реальность под собой — что мы увидим?
Погиб ли прежний мир? Вас окружают
Достойнейшие: доблесть, юность, гений —
Угодно ли? — вот знатность, вот богатство.
Свои законные права к стопам
Слагают вашим, почитают вас
(То бишь меня) товарищем и братом.
Теперь они со Сляком заодно:
Ну прямо скажем, мною одержимы...

Всё может случиться. Лишь прилгни чуть-чуть —
Всё сбудется. Выходит, Сляк обманщик?
Но чем, скажите, он поэта хуже,
Поющего о вымышленных греках,
Их подвигах под вымышленной Троей?..
Да что поэзия! Возьмите прозу.
Разносчики-то мудрости житейской
Обходятся ли без сподручной лжи?
Всяк преподносит истины и были,
В них то лишь оставляя, что согласно
С его же мнением, прочее — долой.

Век ящеров, история народов,
Индейцы дикие, война в Европе,
Жером Наполеон — что вам угодно.
И всё — как хочет автор. Вот таким
И деньги, и хвала: они-де в камень
Вдохнули жизнь, зажгли огнём туман,
Былое воскресили в настоящем.

Все ахают: «Как вы сыскали нить,
Что вас вела по этим лабиринтам?»,
«Как вы из воздуха слепили явь?»,
«Как вы на столь мизерном основаньи
Воздвигли жизнеописание, повесть?»,
Иначе говоря: «Из скольких лжей
Величественную сплели вы правду?»

*Роберт Браунинг,
из поэмы «Мистер Сляк, „медшум“»*



ГЛАВА 1

Там, в месте том, — сад, дерево и змей,
Свернувшийся в корнях, плоды златые,
И женщина под сению ветвей,
И травистый простор, и вод журчанье.
Всё это есть от веку. На краю
Былого мира в роще заповедной
У Гесперид мерцали на извечных
Ветвях плоды златые, и дракон
Ладон топорщил самоцветный гребень,
Скрёб когтем землю, щерил клык серебряный,
Дремал, покуда ловкий Геркулес,
Его сразивши, яблок не похитил.

*Рандольф Генри Падуб,
из поэмы «Сад Прозертины», 1861*

Книга была толстая, в чёрном пыльном переплёте. Крышки переплёта покоробились и поскрипывали. Прежние владельцы обращались с книгой не очень-то бережно. Корешок отсутствовал — вернее, он был, но торчал из книги, зажатый между страницами, как пухлая закладка. Книга была несколько раз перехвачена грязной белой тесьмой, завязанной аккуратным бантиком. Библиотекарь передал книгу Роланду Митчеллу, который дожидался её в читальном зале Лондонской библиотеки. Книгу извлекли на свет божий из тёмных недр сейфа № 5, где она стояла между «Проказами Приапа» и «Любовью в греческом вкусе». Происходило всё это сентябрьским днём 1986 года в десять часов

утра. Роланд хорошо видел часы над камином, хотя маленький столик, за которым он расположился — любимое место, — скрывался от зала за квадратной колонной. Из высокого окна справа лился солнечный свет, а за окном зеленели кроны деревьев на Сент-Джеймсской площади.

В Лондонскую библиотеку Роланд заходил с особым удовольствием. Пусть обстановка тут и не радовала глаз, зато имелись хорошие условия для работы; всё здесь дышало историей. Заглядывали сюда и ныне здравствующие поэты и мыслители, посиживали на решетчатых подставках под стеллажами, вели увлекательные споры на лестничных площадках. Тут работал Карлейль, тут бывала Джордж Элиот, поглощавшая книгу за книгой, — Роланд так и видел, как подол её чёрной шёлковой юбки или бархатный трен ползёт по полу между стеллажами с книгами Отцов Церкви, так и слышал, как позвякивают от её твёрдой поступи металлические ступени лесенки у полок с немецкой поэзией. Заходил сюда и Рандольф Генри Падуб, именно здесь отыскивал он пока не осмысленные мелкие факты, которые переполняли его восприимчивый ум и бездонную память, — множество сведений из разделов «История» и «Топография», множество тем из «Естественных наук» и «Разного», составлявших благодаря алфавитному принципу затейливые сочетания: «Дальтонизм», «Денежные системы», «Деторождение», «Дилижансы», «Домашняя прислуга», «Досуг», «Дрессировка», «Дьявол и демонология». А работы по теории эволюции в те годы числились по разделу «Человечество до Адама». Роланд лишь недавно узнал, что в Лондонской библиотеке имеется экземпляр «Оснований новой науки» Вико, принадлежавший некогда Падубу. К сожалению, книги из домашней библиотеки

Падуба рассеялись по разным странам Европы и Америки. Самая значительная их часть хранилась, конечно же, в Нью-Мексико, в Стэнтовском собрании Университета Роберта Дэйла Оуэна*¹, где работал Мортимер Собрайл, готовивший фундаментальное Полное собрание писем Рандольфа Генри Падуба. Правда, сегодня расстояния не помеха: книги перемещаются в пространстве со скоростью звука и света. Но как знать, не обнаружатся ли в Падубовом экземпляре Вико маргиналии, неизвестные даже дотошному Собрайлу. Очень было бы кстати: Роланд как раз выявлял источники поэмы Падуба «Сад Прозерпины». И какое это будет наслаждение — читать те же самые строки, что когда-то читал Падуб, листать страницы, к которым прикасались его пальцы, по которым пробегали его глаза.

Сразу было видно, что книгу не доставали уже очень давно — возможно, с тех самых пор, как она обрела покой в библиотечном сейфе. Библиотекарь клетчатой суконкой смахнул с книги пыль — чёрную, густую, въедливую пыль Викторианской эпохи, взвесь из тумана и дыма, успевшую накопиться до принятия законов о чистоте воздуха. Роланд развязал тесьму. Книга сама собой распахнулась, как шкатулка, явив на обозрение разрозненные выцветшие листки бумаги — голубые, желтоватые, серые, испещрённые ржавыми строчками, бурными записями, которые нацарапало стальное перо. Знакомый почерк. У Роланда захватило дух: кажется, заметки о прочитанном, сделанные на обратной стороне старых счетов и писем. Похоже, сказал библиотекарь, к ним никогда не притрагивались. Края листов с записями, выступающие за обрез книги, словно

¹ Комментарии к именам собственным, отмеченным *, даны в конце книги в алфавитном порядке. (Здесь и далее примеч. перев.)

закоптились дочерна и напоминали траурную кайму на извещениях о похоронах. Чернота была отмежёвана точно по линии обреза.

Роланд спросил, можно ли ему прочесть эти записки. Чтобы у библиотекаря не закралось никаких сомнений, он отрекомендовался: младший научный сотрудник, работает под руководством профессора Аспидса, который с 1951 года редактирует Полное собрание сочинений Падуба. Библиотекарь на цыпочках пошёл звонить начальству, а мёртвые листки по-прежнему чуть заметно шевелились и шуршали, словно после освобождения в них снова затеплилась жизнь. Листки, которые оставил в книге Падуб... Вернувшийся библиотекарь подтвердил: да, Роланду разрешается работать с записями, при условии, что он не нарушит последовательности вложенных листков, чтобы потом можно было составить их опись. И если вдруг Роланд обнаружит что-нибудь важное, пусть сообщит библиотекарю.

Разрешение это было получено к половине одиннадцатого. Следующие полчаса Роланд бессвязно рылся в томе Вико, выискивая упоминания о Прозерпине и одновременно почитывая заметки Падуба. А читать их было нелегко: Падуб делал записи на разных языках, притом крохотными, почти печатными буквами — не сразу заметишь сходство с тем разгонистым почерком, которым были написаны его стихи и письма.

В одиннадцать Роланд наконец отыскал место в книге, которое, кажется, имело отношение к его теме. Вико пытался разглядеть за поэтическими метафорами, легендами и мифами исторические факты и увязать эти образы в одну картину — в этом и состояла суть его «новой науки». Прозерпина в его понимании олицетворяла зерно хлебных злаков — источник

торговли и общественного начала. Рандольф Генри Падуб же, как считалось, выразил в образе Прозерпины религиозные сомнения человека Викторианской эпохи, свои собственные мысли, навеянные мифами о воскресении. На картине лорда Лейтона* Прозерпина — это летящая по чёрному тоннелю золотистая фигура с видимыми признаками душевного смятения. Аспидс полагал, что Падуб видел в ней воплощение самой истории — её начального этапа, который описывается в мифах. (Перу Падуба принадлежали два стихотворения об историках, мало похожих друг на друга: одно о Гиббоне*, другое о Беде Достопочтенном*. Аспидс даже написал статью о Р. Г. Падубе и отражении историографии в его творчестве.)

Сопоставляя текст поэмы Падуба с переводом труда Вико, Роланд делал выписки на каталожных карточках. Перед ним стояли две коробки таких карточек — ярко-оранжевая и густо-зелёная, травяного оттенка; пластиковые петли карточек своим потрескиванием нарушали тишину читального зала.

Колосья называли золотыми яблоками, и это, вероятно, было единственное известное человечеству золото, ибо о золоте-металле тогда ещё не слышали... Поэтому золотое яблоко, которое Геркулес добыл — или вернул — из сада Гесперид, скорее всего, было не что иное, как зёрна злаков, и у галльского Геркулеса из уст исходят золотые цепочки, концы которых прикованы к ушам людей¹, — это, как мы увидим ниже, изображает миф об обработке полей. По этой причине Геркулес считался божеством, благосклонность коего открывала путь к богатству, богом же богатства был Дит (тождественный Плутону), умчавший Прозерпину (она же Церера, или зерно) в подземное царство, описанное поэтами,

¹ Изображение, описанное в сочинении Лукиана «Про Геракла». «Галльский Геркулес» — кельтский бог Огма (Огмий).

которые именуют его то Стиксом, то царством мёртвых, то недрами пашни... Это золотое яблоко великий знаток героических преданий древности Вергилий и превратил в золотую ветвь, которую Эней берёт с собою в Подземный мир, или Преисподнюю.

Рандольф Генри Падуб, описывая Прозерпину, отмечает: «полумрак ей кожу позлатил» и называет её «как колос, золотая». А вот ещё: «Окованная звеньями златыми...» — это, наверно, про какие-нибудь ювелирные украшения, цепочки. Роланд аккуратно внёс перекрёстные ссылки в карточки с рубриками «злаки», «яблоки», «цепь», «богатство». Страница тома Вико, на которой он нашёл этот отрывок, была согнута пополам, внутри лежал счёт за свечи. На обороте его Падуб записал: «Личность приходит в мир на короткий миг, вступает в круг людей мыслящих, привносит новое и умирает, но биологический вид продолжает жить и пожинает плоды быстротечного её бытия». Роланд переписал эту фразу, выбрал чистую карточку и набросал вопросы, на которые предстояло найти ответ: «Разобраться. Цитата или собственная мысль? Биологич. вид — Прозерпина? Очень в духе XIX в. Или Прозерпина — личность? Когда оставлены заметки? Когда написаны — до или после „Происхождения видов“? Хотя это ничего не даст. М. б., он думал о Развитии в широком смысле...»

Было уже четверть двенадцатого. Тикали часы, в лучах солнца кружились пылинки, Роланд размышлял о том, что изнурительная и колдовская тяга к познанию влечёт нас по пути, которому нет конца. Он сидел, пытаясь восстановить очертания мыслей, вычитанных давно умершим человеком, а время шло: Роланду напоминали об этом не только библиотечные часы, но и посасывание под ложечкой (кофе в Лондонской библиотеке не продавали). Надо показать эти драго-

ценные находки Аспидсу. Тот будет то фыркать, то восторгаться, но всё же останется доволен, что книга лежит под замком в сейфе № 5, а не упорхнула, как и многие другие раритеты, в Университет Роберта Дэйла Оуэна в Гармония-Сити. Как же не хочется рассказывать Аспидсу. Вот бы владеть этими сведениями в одиночку.

Упоминание о Прозерпине было на страницах 288–289. А на странице 300 оказались два сложенных листа писчей бумаги. Роланд осторожно развернул их. Он сразу узнал плавный, летящий почерк Падуба. Это были письма, на обоих значился адрес Падуба — Грейт-Рассел-стрит, — оба помечены 21 июня. Год не указан. Оба начинались словами «Милостивая государыня!», оба без подписи. Первое гораздо короче второго.

Милостивая государыня!

Мысли о нашей необычной беседе не покидают меня ни на минуту. Не так часто поэту, а может быть, и всякому смертному случается встретить собеседника, который соединял бы в себе столько готовности проникнуться чужими мыслями, столько ума и тонкости суждения. Я пишу, испытывая неодолимую потребность продолжить наш разговор, и, не раздумывая, ибо и Вы, как мне показалось, были так же взволнованы этой необычной встречей, обращаюсь к Вам с просьбой: могу ли я навестить Вас как-нибудь на будущей неделе? Я чувствую, что мы с Вами непременно должны вернуться к нашей беседе, и уверенность эта не блажь, не самообман. Мне известно, что Вы редко бываете в обществе, и мне удивительно повезло, что любезный Крэбб залучил Вас к себе на завтрак. Какое счастье, что, несмотря на легкомысленное балагурство студиозусов и искусные рассказы Крэбба о примечательных происшествиях — в том числе тот, о бюсте, — нам удалось сказать друг другу так много важного. Вы, без сомнения, разделяете то чувство, которое

Вот что было во втором письме:

Милостивая государыня!

Я то и дело возвращаюсь в мыслях к нашей приятной и неожиданной беседе. Не будет ли у нас возможности возобновить её и поговорить более пространно, в обстановке не столь многолюдной? Мне известно, что Вы редко бываете в обществе, и мне чрезвычайно повезло, что любезный Крэбб залучил Вас к себе на завтрак. Я бесконечно признателен его доброму здравью, благодаря которому он и в восемьдесят два года находит в себе силы и желание поутру угощать поэтов и студентов, профессоров математики и политических философов и с привычным жаром рассказывать историю о бюсте, не задерживая её, однако, появления на столе гренков с маслом.

Не правда ли, удивительно, что мы с полуслова так хорошо поняли друг друга? А ведь мы поняли друг друга на редкость хорошо, Вы согласны? Или это плод разгорячённого воображения не слишком молодого и не слишком признанного поэта, который вдруг обнаружил, что его произведения с их потаённым, изощрённо-внятным и непонятым смыслом — или, скорее, бессмыслицей, раз никто, как видно, не сумел добраться до этого смысла, — нашли наконец наблюдательного и увлечённого читателя и судью? Ваши мысли о монологе Александра Селькирка, Ваше верное постижение мятущейся души моего Джона Беньяна*, Ваше понимание страсти Инес де Кастро...* которая была resurrecta¹ столь чудовищным образом... Но хватит этих вздохов больного самолюбия, хватит разглагольствовать о моих personae², которые, как Вы справедливо заметили, вовсе не маски, скрывающие лицо автора. Я не хочу, чтобы Вы заключили, будто я ставлю Ваш тонкий слух и ещё более тонкий вкус не выше, а ниже своего. Непременно напишите Вашу историю о фее: Вы сделаете из этого*

¹ Воскрешена (лат.).

² Персонажах (лат.).

сюжета что-то очень необычное и оригинальное. Кстати, не задумывались ли Вы о взглядах Вико на историю первобытных народов — о том, что боги древности, а позднее герои суть олицетворения судеб и устремлений народа, рождающиеся в уме простого человека? Тут есть над чем поразмыслить: ведь предание о Вашей фее связывают с невымышленными замками и возводят к действительно происходившим преобразованиям в земледелии — на современный взгляд это одна из любопытнейших сторон её истории. Впрочем, я опять за своё: Вы, с Вашим живым умом и приобретёнными вдали от суеты знаниями, без сомнения, сами придумали, как придать своей теме наилучшую отделку.

Возможно, Ваше понимание, как сладостный дурман, вскружило мне голову, но меня не оставляет чувство, что и Вы разделяете моё желание что нам обоим было бы полезно продолжить нашу беседу что нам необходимо увидеться. Я знаю Если я не ошибаюсь, Вы также нашли наше знакомство ~~важным~~ интересным и, как бы ни дорожили Вы своим уединением

Я понимаю, что Вы решились выехать лишь для того, чтобы навестить любезного Крэбба, который в нелёгкое для Вашего отца время поддержал этого блистательного учёного и оценил его труд. Вы выехали потому, что знали: Вас будут принимать в узком приятельском кругу. Всё так, но главное — Вы выехали, а значит, я могу надеяться, что, найдись важная причина, Вы согласитесь на время поступиться обыденным покоем ради

Я убеждён, что вы понимаете

Роланд был потрясён. И сразу же в нём разыгрался литературовед. В голове сами собой замелькали предположения о времени и месте этого несостоявшегося диалога с неназванной женщиной. Год в письмах не указан, но они определённо написаны после публикации цикла драматических поэм Падуба «Боги, люди и герои». Поэмы вышли в 1856 году, и критика, вопреки

надеждам, а может быть, и расчётам Падуба, отозвалась о них не слишком благожелательно: рецензенты объявили его произведения непонятными, вкус его — извращённым, а персонажей — вычурными и надуманными. В этот цикл и входили «Одинокие думы Александра Селькирка» — размышления моряка, брошенного на необитаемый остров. Относились к этому циклу и «Лудильщик во пророках» — поэма, в которой воспроизводятся раздумья томящегося в тюрьме Беньяна о благодати Господней, и сцена, происходящая в 1356 году: причудливый, исступлённый монолог Педро Португальского, в котором он признаётся в любви набальзамированному телу своей убитой жены Инес де Кастро, — высохший, обтянутый бурой кожей труп всегда покачивался в карете рядом с королём, куда бы тот ни ехал: на голове — обхваченный золотым обручем кружевной убор, по платью — цепочки с алмазами и жемчугами, костлявые пальцы унизаны редкой красоты перстнями... Падуб охотно изображал героев, близких к безумию или обуянных безумием, создающих из обрывков жизненного опыта мировоззрение, которое помогает им выстоять.

Установить, что это за завтрак, не составит труда, скорее всего — один из приёмов, которые на склоне лет стал устраивать Крэбб Робинсон*, чтобы студенты недавно основанного Лондонского университета могли в застольных беседах расширять свой кругозор. Архив Крэбба Робинсона хранился в Библиотеке доктора Уильямса на Гордон-сквер — здании, задуманном как Университетская ратуша; по замыслу Робинсона тут вольнослушатели получали возможность приобщаться к университетской жизни вне учебных аудиторий. Не так уж трудно — да нет, совсем не трудно справиться в дневнике Робинсона, когда Падуб присутствовал на завтраке в доме 30 на Рассел-сквер в обществе

профессора математики, политического философа (не Баджот* ли?) и некой затворницы, которая разбира-лась в поэзии и сама писала или имела намерение пи-сать стихи.

Кто же она такая? Кристина Россетти?* Сомни-тельно. Вряд ли мисс Россетти пришлись бы по вкусу богословские построения Падуба и его взгляды на мужскую и женскую психологию. И что за «история о фее»? От всех этих загадок Роланд уже не в первый раз ощутил своё безграничное невежество: серый ту-ман, а в нём то проплывает, то маячит что-то осязае-мое, то блеснут купола, то чернеют в сумраке крыши...

Удалось ли Падубу завязать переписку? Если да, то где остальные письма, какие драгоценные сведения о его произведениях «с их потаённым, изошрённо-внятным и непонятым смыслом» могут в них содер-жаться? Не исключено, что, отыщись эти письма, фи-лологам придётся пересмотреть кое-какие устоявши-еся мнения. Ну а если переписка не завязалась? Если Падуб так и не нашёл слов, чтобы выразить своё на-стойчивое желание? Настойчивость — вот что пора-зило и взволновало Роланда больше всего. А он-то ду-мал, что знает Падуба неплохо — насколько вообще можно знать человека, замкнувшегося в мире своих мыслей, сорок лет прожившего с женой как пример-ный семьянин, оставившего после себя гору писем, но писем сдержанно-учтивых, не отмеченных какими-то особыми страстями. И такой Рандольф Генри Падуб Роланду нравился. Его восхищало яростное горение духа и широчайшая эрудиция, заметные в творчестве Падуба, и в глубине души ему было приятно, что эти качества выработались благодаря такому степенному, такому безбурному существованию.

Он перечитал оба черновика. Было ли письмо нако-нец написано и отправлено? Или первый порыв угас,

был отринут? И тут Роланда самого захлестнул странный, неожиданный для него порыв. Нет, не может он оставить эти полные жизни слова в томе Вико, на странице 300, и сдать на хранение в сейф № 5. Он огляделся: никто не видит. Тогда он украдкой сунул письма в книгу, с которой никогда не расставался, — оксфордское издание «Избранного» Падуба — и снова занялся карточками. Он методично выписывал самое интересное, пока на лестнице не послышался звон колокольчика, извещающий о закрытии читального зала. Заработавшись, Роланд даже не выкроил времени перекусить.

Он собрал коробки с карточками, сунул под них «Избранное» и направился к выходу. Дежурные за столом выдачи книг дружески ему закивали. Роланд был тут завсегдатаем. Заподозрить его в порче книг или краже никому и в голову не приходило. Он вышел из библиотеки, как обычно, с толстым обшарпанным портфелем под мышкой. На Пиккадилли сел в двухэтажный автобус № 14 и, прижимая к себе добычу, поднялся наверх. Как всегда по дороге домой — жил он в Патни, в полуподвальном этаже ветшающего дома викторианских времён, — сперва на него напала сонливость, потом она сменилась какой-то лихорадочной ясностью, а там уже подступали тревожные мысли о Вэл.



ГЛАВА 2

Человек — это история его мыслей, дыхания и поступков, телесного состава и душевных ран, любви, равнодушия и неприязни, история его народа и государства, земли, вскормившей и его, и предков его, камней и песчинок знакомых ему краёв, история давно отгремевших битв и душевных борений, улыбок дев и неспешных речений старух, история случайностей и постепенного действия непреложных законов — история этих и многих других обстоятельств, один язычок огня, который во всём живёт по законам целого Пламени, но, вспыхнув единожды, в своё время угаснет и никогда больше не загорится в беспредельных просторах будущего.

Так писал Рандольф Генри Падуб примерно в 1840 году, когда работал над поэмой в двенадцати книгах под названием «Рагнарёк, или Гибель богов», которую одни восприняли как христианский взгляд на скандинавскую мифологию, а другие громили за атеизм и недостойную христианина безысходность. Рандольфу Падубу действительно важно было разобраться, что такое человек, но, вообще-то, он запросто мог бы написать это загромождённое, как мебельный склад, предложение совсем по-другому, заменить слова, сочетания и ритмический рисунок и заключить той же добротной уклончивой метафорой. Так, по крайней мере, казалось Роланду, натасканному по части постструктуралистской деконструкции сюжета. А вот на

вопрос, кто такой Роланд Митчелл, ему бы пришлось ответить иначе.

В 1986 году ему исполнилось двадцать девять. Митчелл окончил лондонский колледж Принца Альберта (1978) и в том же университете получил степень доктора философии (1985). Его докторская диссертация называлась «История, историки и поэзия? Изображение исторических „свидетельств“ в поэмах Рандольфа Генри Падуба». Научным руководителем был Джеймс Аспидс, работая под началом которого можно было охладеть к любой теме. Сам Аспидс давно охладил ко всему, и ему доставляло удовольствие расхолаживать окружающих. (Зато уж как учёный он отличался добросовестностью.) Роланд работал в возглавляемом Аспидсом Центре исследования творчества Р. Г. Падуба, который окрестили «Падубоведник». («Лучше бы „Синклит Его Преподубия“», — заметила как-то Вэл.) Разместился центр в Британском музее, куда вдова Падуба Эллен передала значительную часть его рукописей. Кое-какую финансовую поддержку оказывал Падубоведнику Лондонский университет, но гораздо большие средства поступали из Альбукерке, от Фонда Ньюсома — благотворительной организации, одним из попечителей которой состоял Мортимер Собрайл. Казалось бы, в своём стремлении увековечить память Падуба Аспидс и Собрайл действуют рука об руку. Но не тут-то было. Аспидс подозревал, что Собрайл имеет виды на хранящиеся в Британской библиотеке, но не принадлежащие ей рукописи и, разыгрывая щедрость и заботливость, пытается втереться в доверие к законным владельцам. Шотландец Аспидс был убеждён, что рукописи британца должны оставаться в Британии, чтобы их изучали британцы. Может показаться странным, что ответ на вопрос: «Кто такой Роланд Митчелл?» — начинается с разбора непростых

отношений Аспидса, Собрайла и Падуба, но, задумываясь о своём положении, Роланд чаще всего видел себя именно в этом соседстве. Во всех остальных случаях «соседством» становилась Вэл.

Роланд считал, что родился слишком поздно. Он едва застал разлитые в воздухе возбуждение, непоседливость, юность, бодрость, ушедшие вместе с шестидесятыми, — радостную зарю нового дня, который заранее представлялся ему и его сверстникам довольно таки тусклым. В психоделические годы он был ещё школьником и жил в захудалом ланкаширском городишке, примечательном разве что текстильными фабриками, вдали от шума Ливерпуля и сутолоки Лондона. Отец Роланда служил мелким чиновником в совете графства. Мать окончила факультет английского языка и литературы и разочаровалась в своей специальности. Если самому себе Роланд казался ходячим заявлением о приёме — на работу, в колледж, в кандидаты на место под солнцем, — то мать в его глазах была воплощённым разочарованием. В чём она только не разочаровывалась! В нём, в его отце, в себе. В бешенстве от собственной неудачливости, она употребила всю силу этого бешенства на то, чтобы дать сыну приличное образование. Образование Роланд получил в Единой школе Анайрина Бивана, слепленной на скорую руку из Гласдейлской старой классической школы, англиканской средней школы Фомы Беккета и Современной Технической школы гильдии швейников, и учёба сопровождалась непрерывной беготнёй из здания в здание. Мать пристрастилась к крепкому портрету, совсем зациклилась на «приличном образовании» и постоянно заставляла Роланда менять основной предмет: работы по металлу на латынь, гражданское законодательство на французский, устраивала его разносить почту и на вырученные деньги нанимала ему

репетитора по математике. Так что в конце концов он получил самое заурядное классическое образование с пробелами из-за сокращения того или другого преподавателя и ералаша на том или другом занятии. Но ожидания Роланд оправдывал всегда: среднюю школу окончил на одни пятёрки, диплом получил с отличием, защитил диссертацию. Сейчас постоянной работы у него не было, и он перебивался случайными заработками: вёл индивидуальные занятия со студентами своего колледжа, состоял на побегушках у Аспидса и мыл посуду по ресторанам. В богатые возможностями шестидесятые он и сам не заметил бы, как в два счёта сделал карьеру, но времена изменились: он уже поставил на себе крест и склонялся к мысли, что сам виноват в своих неудачах.

Роланд был человеком некрупного сложения, с поразительно чёрными, очень мягкими волосами и мелкими правильными чертами. Вэл звала его Кротишка. Прозвище ему не нравилось, но он помалкивал.

Жил он вместе с Вэл. Они познакомились на чаепитии, которое Студенческий союз устроил для первокурсников. Роланду тогда было восемнадцать. Сегодня ему казалось — впрочем, может, это просто мифотворчество от забывчивости, — что Вэл в его новой студенческой жизни была первым человеком, с которым он заговорил — не об учёбе, а так, вообще. Как он вспоминал, ему сразу понравился её взгляд — неуверенный взгляд бархатных карих глаз. Она стояла в сторонке с чашкой чая в руках и, никого вокруг не замечая, сосредоточенно смотрела в окно, словно не ждала, что к ней подойдут, да и не искала собеседников. Весь её вид навевал покой, умиротворял, и Роланд подошёл к ней и завязал разговор. И с тех пор они и минуты не пробывали порознь. Записывались на одни и те же курсы,

в одни и те же студенческие общества, вместе сидели на семинарах, вместе ходили в Национальный дом кино. Вместе спали, а на втором курсе вместе сняли себе однокомнатную квартиру. На питании экономили — ели овсянку, чечевицу, фасоль, йогурт; когда случалось побаловаться пивом, пили не спеша, чтобы растянуть удовольствие; книги покупали в складчину. Других доходов, кроме стипендии, ни у неё, ни у него не было, а в Лондоне на стипендию не разгуляешься. А из-за нефтяного кризиса подрабатывать в каникулы стало уже невозможно. Роланд считал, что и диплом с отличием он получил не без помощи Вэл (это если не считать помощи матери и Рандольфа Генри Падуба). Ведь Вэл так надеялась, что Роланд его получит, всё время заставляла делиться соображениями о дипломной работе, обсуждала с ним каждую мелочь, постоянно угрызалась, что она, вернее, они так мало занимаются. Ссорились они очень редко и почти всегда по одной причине: Роланда тревожило, что она так дичится всех на свете — не высказывает собственную точку зрения на семинарах, а в последнее время и ему не рассказывает о своих мыслях. Раньше у неё было полно всяких заветных мыслей, и она с робкой лукавцей, словно подманивая или подначивая, делилась ими с Роландом. Были у неё любимые стихи. Как-то раз, когда они с Роландом лежали нагишом в его тёмной квартирке, она вдруг села в кровати и прочла строки Роберта Грейвза:

Полуслова: она сквозь полусон
Лепечет нежное из темноты,
Не поднимая век.
Земля на миг стряхнула зимний сон
И подарила травы и цветы —
И не беда, что снег,
Что сыплет снег.

Байетт А. С.

Б 18 **Обладать : романтический роман / А. С. Байетт ;**
пер. с англ. В. Ланчикова, Д. Псурцева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 800 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-16596-0

«Обладать» — один из лучших английских романов конца XX века и, несомненно, лучшее произведение Антонины Байетт. Впрочем, слово «роман» можно применить к этой удивительной прозе весьма условно. Что же такое перед нами? Детективный роман идей? Женский готический роман в современном исполнении? Рыцарский роман на новый лад? Все вместе — и нечто большее, глубоко современная вещь, вобравшая многие традиции и одновременно отмеченная печатью подлинного вдохновения и новаторства. В ней разными гранями переливается тайна английского духа и английского величия.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

А. С. БАЙЕТТ

ОБЛАДАТЬ

Романтический роман

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерия Гореликова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Светлана Федорова, Нина Тюрина,
Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.05.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 28,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru



Y-VAK-25056-01-R